

НАЕМНЫЕ РАБОЧИЕ МОСКОВСКИХ МАНУФАКТУР В 40—70-х ГОДАХ XVIII в.

М. Н. АРТЕМЕНКОВ

Все исследователи русской промышленности XVIII в. (С. Г. Струмилин, К. А. Пажитнов, Е. И. Заозерская и др.) справедливо отмечают, что наиболее сложным и спорным в этой проблеме является вопрос о социально-экономической природе русской мануфактуры, прошедшей своеобразный путь развития в условиях господства феодально-крепостнической системы.

Процесс становления капиталистической мануфактуры в России может быть раскрыт только в связи с изучением истории формирования рабочего класса, его социального состава и форм его эксплуатации. Имеющиеся в настоящее время в литературе попытки показать соотношение принудительного и наемного труда на мануфактурах XVIII в., как нам представляется, пока нельзя признать успешными, поскольку они базируются на очень ненадежном (особенно в отношении показателей наемного труда) источнике — официальных сводках правительственных учреждений и полугодовых ведомостях самих мануфактуристов¹.

В настоящей статье прослеживается развитие наемного труда на мануфактурах Москвы — крупнейшего центра легкой промышленности XVIII в. Основным источником исследования служат покормежные дела (фонда Мануфактур-коллегии), сохранившиеся за 1738—1779 гг. Детальное изучение содержащихся в них копий покормежных писем и паспортов, выдаваемых помещиками и местными властями уходившим на заработки в города крестьянам и всякого рода разночинцам, копий контрактов, которые подписывали нанимавшиеся на работу на указные мануфактуры (с учетом каждого наемного рабочего этих лет), дало возможность проследить эволюцию вольнонаемного труда и форм найма рабочей силы в пределах указанного периода². Особенно тщательно анализу были подвергнуты контракты, на основании которых удалось выяснить целый ряд весьма трудных вопросов: степень свободы продажи наемным человеком его рабочей силы и характер и условия найма в связи с социальной принадлежностью нанимавшихся, влияние крепостнической системы на формирование капиталистического найма и капиталистической мануфактуры в России XVIII в. Кроме того, в работе использованы материалы переписи мастеровых и работных людей, проведенной в 1738—1740 гг.

К началу 1760-х годов в Москве было сосредоточено 103 предприятия легкой промышленности, среди них 17 суконных, 32 шелкоткацких, 4 полотняных и 50 мануфактур второстепенных отраслей производства³. Многие из этих мануфактур возникли еще в первой четверти XVIII в.

¹ См. Ф. Я. Полянский. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века, М., 1956, гл. VIII.

² ЦГИАЛ, ф. 1. «Покормежные дела». См. описи 4—13.

³ Там же, оп. 2, д. 1880.

В борьбе за обеспечение своих предприятий принудительным трудом московские мануфактуристы достигли больших результатов. По указам 1736, 1744 гг. к восьми суконным мануфактурам Москвы было приписано 6066 душ обоего пола, или 54% всех приписанных по этой отрасли промышленности; к 19 шелковым мануфактурам — 1702 души, к четырем полотняным — 1484 души и к шести предприятиям остальных отраслей производства — 620 душ, что в целом составляет 57% общего количества отданных «навечно»⁴. Московские мануфактуристы, особенно содержатели шелковых мануфактур, широко использовали возобновление в 1744 г. права покупать людей и крестьян к фабрикам и заводам. Таким образом, московская указная промышленность поглощала огромное количество подневольного труда.

Однако следует оговориться, что те мануфактуристы, которые покупали крестьян в «дозволенное число», далеко не полностью использовали эту возможность по самым различным причинам: или недоставало денег, или же не могли купить достаточного количества крестьян «за неподысканием». Поэтому даже владельцы крупных шелкоткацких мануфактур не могли обходиться без наемного труда, тем более, что эта отрасль производства быстро росла. В шелкоткацком производстве было немало небольших предприятий, владельцы которых из-за недостатка капиталов не имели покупных людей и довольствовались только наемным трудом. Что же касается мануфактур второстепенных отраслей производства, то там крупные предприятия вообще были представлены единицами и поэтому у мануфактуристов почти совсем не было в покупке деревень, и они довольствовались только «вольным наймом». Хотя и эпизодически, но все же пользовались наемным трудом и московские суконщики, что вызывалось угрозами срыва поставок сукна в казенное ведомство. Из полотнянщиков только один И. Тамес систематически применял «наемный» труд. На его мануфактуре ежегодно работало 300—400 наемных рабочих⁵.

За весь исследуемый период в покормежных делах отмечено 14 331 человек наемных рабочих (не считая солдатских жен), работавших в разные годы на указных мануфактурах Москвы. В этом общем числе наемных помещичьи крестьяне составляли 41,4%, дворовые — 16,6%, экономические крестьяне — 24,5%, дворцовые — 9,0%, посадские — 4,8% и все остальные — 3,7%. Таким образом, основным поставщиком рабочей силы для московских мануфактур являлось крестьянство, посадский люд представлен в незначительном числе — 688 человек. Большая доля приходилась на помещичьих крестьян и дворовых. Но, как мы увидим далее, основные кадры рабочих московских мануфактур составлялись из экономических и дворцовых крестьян. В результате установления с 1724 г. системы полицейского контроля над перемещением населения страны — в виде паспортов и покормежных писем — приток в Москву различных категорий людей происходил, главным образом, за счет жителей Московского и прилегающих к нему уездов и городов.

Введение паспортов и покормежных писем для всякого рода отходников имело весьма отрицательное значение, поскольку без этих документов крестьяне не могли сделать ни одного шага за пределы владений феодала или волости. Помещики в покормежных, выдаваемых их крестьянам или дворовым, прежде всего подчеркивали, что это — крепостные и отпущены «для прокормления» по их, помещиков, воле. Здесь же указывалось, в какой город или уезд отпущен и на какой срок, по истечении которого никто не имел права их держать «под опасением за то в силу указов штрафа»⁶.

⁴ Там же, оп. 5, д. 1494, лл. 8—9.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1. Полугодовые ведомости И. Тамеса в Мануфактур-коллегию,

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 3, д. 300, л. 1.

Деятельность дворцовых, экономических и государственных крестьян регулировалась властью сельских старост и решениями «крестьянского мира», крестьяне этих категорий могли уходить на сторонние заработки только с «мирского согласия». Начиная же с 60-х годов в паспортах и покормежных этих крестьян уже отсутствует указание, в какой город или уезд отпущен крестьянин, оно заменено другой формулировкой: «отпущен для прокормления в Москву и другие города, кроме Сибирских». Такую формулировку в отдельных случаях начали употреблять и помещики. С течением времени границы крестьянского отходничества расширились.

Весьма большой интерес вызывает мотивировочная часть крестьянских покормежных, в которой дается объяснение, почему отпущен на заработки тот или иной крестьянин. Эти мотивы таковы: «на платеж подушных денег и дворцовых доходов» или «за скудостью и оплаты подушных денег», по чаще всего фигурирует формулировка — «за скудостью для пропитания». Складывается впечатление, что из дворцовых, экономических сел и деревень «в работу» на мануфактуры г. Москвы в абсолютно подавляющем большинстве уходила крестьянская беднота, для которой не было другого выхода. Однако это не так. Среди отходников дворцового и экономического ведомств было много крестьян «прожиточных», экономически «достаточных». Иначе чем же объяснить тот факт, что именно крестьяне этих групп явились организаторами потаенного мастерства, иначе безуказного производства как в самой Москве, так и в ее окрестностях, а после указа 1769 г. сумели создать крупные районы производства шелковых тканей в селах и деревнях Подмосковья. Подтверждением этому может служить и тот факт, что, устраиваясь работать на шелковых мануфактурах учениками, по контрактам, иногда бесплатно, крестьяне этих групп совершенно не появлялись на мануфактурах после истечения срока найма и никаких повторных контрактов с мануфактуристами не заключали. Таким образом, поскольку вследствие ряда правительственных указов, изданных в 1730—1750-х годах⁷, крестьянину запрещалось заводить фабрики, иметь в городах дома и лавки без записи в купечество и, наконец, заниматься безуказным производством, «прожиточные» крестьяне вынуждены были писать в покормежных, что они отпущены «для пропитания».

Итак, система паспортов и покормежных писем исключала свободу действия наемных как во времени, так и в пространстве, она сильно тормозила развитие наемного труда, поскольку паспорта и покормежные, за небольшим исключением, выдавались сроком на один год.

До 1736 г. в московской промышленности широко применялся наем рабочей силы, который в основном осуществлялся в двух формах: без записи и с записью. Первая форма найма (без записи) была довольно близка к подлинно капиталистической, так как она не диктовала никаких правовых ограничений в отношении нанимающегося, но, к сожалению, не получила широкого распространения. Из показаний мастеровых во время переписи 1737—1739 гг. видно, что наем без записи был возможен только в мелких промышленных предприятиях, которые находились вне поля зрения Мануфактур-коллегии и ее конторы. (Случаи найма без записи на указные мануфактуры крайне редки.) Основной же формой найма в первой трети XVIII в. был наем по записи, который имел мало общего с первым вариантом и явился скорее его противоположностью.

Мануфактуры первой четверти XVIII в. — особенно московские — не испытывали недостатка в рабочей силе, и поэтому не было никакой необходимости в применении тех или иных принудительных мер при решении вопроса относительно укомплектования их рабочими кадрами.

⁷ ПСЗ, Собрание второе, т. VIII, № 6262; т. IX, № 8608, 9201; т. XII, № 9889.

Даже казенные промышленные предприятия (Московский суконный двор, суконная мануфактура в Казани и др.) почти полностью обеспечивались мастерами путем вольного найма. Что же касается партикулярных мануфактур, возникших в Москве при Петре I, то они все без исключения довольствовались только «вольным наймом». Явление вполне закономерное. В Москве к этому времени было сконцентрировано огромное количество всякого звания людей, не имевших средств производства и живших только продажей своей рабочей силы. Их было настолько много, что не все желающие могли устроиться на работу на открываемых казенных или купеческих предприятиях. Поэтому Петр I в своих указах, выдаваемых купцам на заведение промышленных предприятий, не без основания подчеркивал, чтобы они довольствовались только вольным наймом и ни в коем случае не принимали к себе на «фабрики» всякого рода беглых и не имеющих отпускных писем, если это были частновладельческие крестьяне или дворовые.

Однако из этого вряд ли следует делать вывод, что в первой трети XVIII в. в России создавались «настоящие» капиталистические мануфактуры. Нам представляется, что петровские указы относительно комплектования создаваемых мануфактур рабочей силой не критически восприняты советскими исследователями истории русской промышленности XVIII в. Базируясь на их содержании, Е. И. Заозерская решительно утверждает, что при Петре наиболее распространенной и характерной была мануфактура, основанная на вольнонаемном труде и что первая четверть XVIII в. имеет особое значение в процессе возникновения «капиталистической промышленности» в России⁸. Это не совсем так. Закон, рекомендуя Тамесу и его компанейщикам нанимать в работники на их полотняную мануфактуру свободных, здесь же предписывает «содержать их при оной фабрике 7 лет как учеников, да сверх того 3 года как подмастерьев», и только по прошествии этих «урочных лет», «которые ученики не похотят у них при тех заводах быть, давать им письма»⁹. Следовательно, нанятый рабочий обязан был минимум 10 лет работать на предприятии, находясь в бесправном положении ученика, а затем в качестве подмастерья, после чего его уход был обусловлен только волей мануфактуриста. Фраза: «давать им письма» имела огромный смысл и значение. Петр совершенно не намеревался создавать в крепостнической России очаги противоположного уклада и совсем не имел в виду формировать в промышленности контингент свободных рабочих.

В Регламенте 1723 г., данном Мануфактур-коллегии, он развивает эту установку еще дальше. Позволяя мануфактуристам «к их фабрикам и мануфактурам учеников и прочих работных людей принимать, как о том указы е. и. в. повелевают, с уговором достойной платы, объявляя в коллегии», на урочные годы, он здесь же подчеркивает: «а буде, кто из них (нанятых рабочих.— М. А.), не дожив урочных лет, сбежит на другие фабрики или к кому другому, а тот ведаючи примет и на таких, у кого будут жить, брать штраф за каждого человека по сту рублей.., а беглым чинить наказание»¹⁰. Нетрудно заметить, что этот пункт Регламента по своему содержанию напоминает некоторые статьи гл. II Уложения 1649 г.

Законодательство Петра I по «рабочему вопросу»¹¹ свидетельствует, что наем рабочей силы осуществлялся под непосредственным наблюдением Мануфактур-коллегии, а позже — Мануфактур- и коммерц-конторы. Всякий нанимающийся подвергался тщательному допросу в этих

⁸ Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII века, М., 1953, стр. 15.

⁹ ПСЗ, т. V, № 3543. (Подчеркнуто мной.— М. А.)

¹⁰ ПСЗ, т. VI, № 4378. (Подчеркнуто мной.— М. А.)

¹¹ ПСЗ, т. IV, № 3089; т. V, № 3526, 3543, 3590, 4055; т. VI, № 4378 и др.

учреждениях, в ходе которого устанавливалась его личность, и только после этого он направлялся на ту или иную мануфактуру, где и обязан был работать до тех пор, пока его не уволят.

Переписные книги 1737—1739 гг.¹² содержат богатейший материал, позволяющий без всяких колебаний сделать следующие выводы. До 1736 г. найма рабочей силы — в прямом смысле этого слова — на указанных мануфактурах не существовало, он подменялся записью в правительственных учреждениях нанимающегося на то или иное предприятие. Свобода нанимающегося на этом кончалась, и он становился неотъемлемой принадлежностью того или иного предприятия до тех пор, пока был нужен мануфактуристу. Свободного перехода «наемных» рабочих с одного предприятия на другое не существовало и по истечении «урочных лет» вследствие того, что рабочий не мог уйти без «письма» мануфактуриста, а последний выдавал рабочим эти документы только «за неимением работы», «за болезнью», «за непонятием». Условия труда и «задельные деньги» определялись только предпринимателем. Следовательно, как нам представляется, в крупной промышленности первой трети XVIII в. следует усматривать не капиталистическую мануфактуру, а только начальный этап ее формирования. Особую же роль мануфактуры первой четверти XVIII в. следует видеть в том, что она немедленно ассимилировала огромное количество пауперов, которых особенно много было в Москве.

В связи с быстрым ростом мануфактурного производства армия пауперов оказалась недостаточной для обеспечения его рабочей силой, вследствие чего Петру I пришлось в 1721 г. разрешить мануфактуристам к их «заводам деревни покупать невозбранно». Однако этот его указ пришелся не по душе господствующему классу — дворянству — и был заменен — после Петра — указом 1736 г., который разрешал промышленникам покупать людей без земель и не целыми деревнями. Но все эти меры не решали вопроса обеспечения промышленности рабочей силой, не затрагивая устоев феодально-крепостнического государства.

Чтобы выйти из создавшегося затруднения и раз навсегда решить этот актуальный в жизни промышленности вопрос, дворянская бюрократия в 1736 г. издает указ, которым все мастерские купеческих мануфактур были приписаны к ним «навечно»¹³. В дальнейшем держатели мануфактур обязаны были нанимать рабочих по договорам на урочные годы, копии которых доставлять в губернские и воеводские канцелярии, а в Москве — в соответствующие коллегии и их конторы. Найм рабочей силы по контрактам вполне устраивал помещиков и их правительство: система паспортов и покормежных писем не отменялась, а еще раз подтверждалась этим указом. Эта форма найма просуществовала довольно долго (с 30-х по 70-е годы XVIII в.).

Контракты этих лет не следует рассматривать как форму договорных отношений мануфактуристов и их наемных рабочих; обязательства, продиктованные предпринимателями, принимали на себя лишь нанимающиеся, поэтому-то и подписывались контракты только продавцами рабочей силы. В покормежных делах фонда Мануфактур-коллегии имеется большое количество таких контрактов (преимущественно по шелкоткацкому производству)¹⁴. Нанимавшийся на мануфактуру обязан был представить предпринимателю не менее двух поручителей. В контрактах в первую очередь указывалось, сколько лет должен работать на мануфактуре нанятый рабочий, в течение которых он не имел права не только уйти, но и самовольно «сходить» с «фабричного» двора, при котором обычно и жили отходники. Наемный рабочий мог, таким образом, расторгнуть договор только путем бегства, что было почти невоз-

¹² ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 3, д. 320, 323, 329, 671, 672, 673, 676, 678, 681, 682, 687 и др.

¹³ ПСЗ, т. IX, № 6858.

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 4, д. 266, 326, 612, 653, 666; оп. 8, д. 161; оп. 6, д. 799 и др.

можно, так как по контракту он обязывался платить большую неустойку, величина которой колебалась в пределах 8—50 руб. Владельцы шелковых и многих других мануфактур, где применялось ценное сырье, устанавливали строжайшую ответственность рабочих за расходование материалов. Очень часто продавцы рабочей силы подписывали контракты, не зная заранее, на какой работе они будут использоваться мануфактуристом, и в таких случаях они скрепляли своей подписью формулировку: «быть в работе столько то лет и работать всякую работу безленостно, какая будет указана»; относительно же оплаты труда в большинстве контрактов фигурирует запись: «а получать мне за работу столько, сколько получает остальная моя братия».

Вот те условия, на которых вольнонаемные люди вступали в царство промышленного труда на указных мануфактурах г. Москвы. Необходимо при этом заметить — для полноты картины,— что московские промышленники очень редко прибегали к кабальным формам найма — предоставлению наемным рабочим всякого рода ссуд или денег «взапрос» и пр., что было так сильно развито в других промышленных районах страны.

В 40-х годах встречаются попытки со стороны предпринимателей использовать контракты как средство некапиталистического найма, с целью мобилизации подневольного труда, что и удавалось некоторым из них осуществить в годы второй ревизии¹⁵. В итоге 417 человек добровольно утратили свою свободу и оказались не наемными, а крепостными мануфактуристов, заключив «вечные контракты». Дворянское правительство — в интересах фиска — отнюдь не пресекало подобные факты, зная, что такого рода контракты заключали те социальные элементы, которые неспособны были платить подушную подать, кормясь мирским подаванием. В числе этих людей первое место занимают посадские и их дети (140 человек), затем освобожденные по разным причинам с фабрик мастеровые и их дети, разночинцы и, наконец, крестьяне различных категорий. Все они в разного рода ведомостях фигурируют в разряде наемных, но это в полном смысле слова крепостные, которые могли восстановить свою свободу только бегством — так в дальнейшем и было.

При анализе этих документов 40—60-х годов заслуживают внимания сроки найма, их эволюция в пределах этих лет. Любопытно, что многим мануфактуристам г. Москвы в 40-х годах удавалось заключать контракты с обязательством нанимавшихся работать от 5 до 12 лет. Содержатель шелковой мануфактуры С. Волосный в первой половине 40-х годов принял по контрактам 33 человека, из которых 2 человека обязались работать вечно, 10 человек — 12 лет, 2 — 10 лет, 14 — 7 лет, 5 — 5 лет. Меньше этих сроков нет ни одного контракта. При этом надо учесть, что содержатель мануфактуры ставил рабочих на положение учеников на все «урочные годы» и только по их истечении обещал использовать как «действительных ткачей»¹⁶. И. Демидов в это время принял на свою шелковую мануфактуру 53 человека, из них в качестве учеников — 45 человек, которых обязал контрактами работать: 20 лет — 1, 10 лет — 9, 8 лет — 6, 7 лет — 1, 6 лет — 1, 5 лет — 20, 4 года — 2, 3 года — 4, остальные 8 человек были наняты в качестве ткачей на срок менее 3 лет. Содержатель шелковой мануфактуры И. Петров в 1742 г. принял 32 человека на следующие сроки: 25 лет — 1, 20 лет — 2, 10 лет — 12, 7 лет — 5, 5 лет — 4, 4 года — 3, 3 года — 2, 2 года — 1, вечно — 2. Таких примеров можно было привести столько, сколько дошло до нас контрактов от 40-х годов, и всюду мы сталкиваемся с таким же

¹⁵ См. ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 4, д. 418; оп. 6, д. 776.

¹⁶ Там же, оп. 4, д. 266; оп. 5, д. 100, 323, 709.

явлением¹⁷. Чтобы раскрыть его причины, целесообразно проследить эволюцию этих сроков за время 40—60-х годов.

Предварительно уместно заметить, что нам приходится все время иметь дело почти исключительно с контрактами посадских, дворцовых, монастырских, экономических крестьян и разночинцев, так как контракты помещичьих крестьян представлены самым мизерным количеством в общей их массе. Кроме того, наемные рабочие из вышеуказанных категорий населения концентрировались преимущественно на шелкоткацких мануфактурах и предприятиях второстепенных отраслей производства; помещичьих крестьян в Москве было сравнительно мало.

Прослеживая эволюцию сроков найма этих категорий продавцов рабочей силы в рассматриваемые годы, приходится констатировать следующее: в 40-х годах нанимавшиеся на 2—3 года составляли 35%, на 5—6 лет — 40%, на 7—8 лет — 8%, на 10—12 лет — 12%, на 20—25 лет — 0,5%, навечно — 4,5% от общего числа нанимавшихся. В 50-х годах это соотношение претерпевает существенные изменения. Работавшие по контрактам 2—3 года составляют 80,5%, 5 лет — 19,5%. Наем на большие сроки не применяется. В 60-х годах мы имеем такое соотношение: контракты на 2—3 года составляют 90%, на 5 лет — 10%, на большие сроки контрактов не имеется. В 70-х же годах налицо уже только двух-трехгодичные контракты и то в небольшом количестве: все московские мануфактуристы указных отраслей, за исключением содержания плащильно-волочильной мануфактуры Ильи Докучаева, обходятся без них.

Эти данные указывают на то, что в 40-х годах, особенно в первой их половине, московские мануфактуристы не ощущали острого недостатка в наемных рабочих и всех нанимавшихся стремились задержать на мануфактуре как можно дольше на положении ученика, закрепить квалифицированных специалистов, если не навсегда, то на более длительные сроки. В 50-х годах мы видим уже иное положение наемных на указных мануфактурах, а к 60-м годам ситуация еще больше изменилась в пользу вольнонаемных. Эпидемия 1771 г., в результате которой в Москве вымерло очень много подневольных рабочих, заставила мануфактуристов Москвы в еще большей мере обращаться к наемному труду, и всякие контракты теперь становились уже значительной помехой в промышленной жизни. Большую роль в преодолении этой формы найма сыграло безуказное производство, которое отвлекало большое количество свободных специалистов и этим заставило мануфактуристов отказаться от попытки внесения тех или иных кабальных элементов в формировавшуюся систему капиталистического найма.

Более половины наемных рабочих московских мануфактур (56%) составляли помещичьи крестьяне и дворовые. Если посадские люди, дворцовые, экономические и государственные крестьяне сами являлись продавцами своей рабочей силы, то здесь продавцом этого товара очень часто выступает помещик. Сам этот факт обязывает поставить вопрос: можно ли считать наемными рабочими всех тех выходцев из среды дворовых и помещичьих крестьян, которые работали на купеческих мануфактурах и в какой мере дворянская вотчина служила резервом наемной рабочей силы для нарождающегося капиталистического производства?

На протяжении всех рассматриваемых лет (1738—1779 гг.) на московских мануфактурах в различные годы работали 5931 человек помещичьих крестьян, из которых только 2291, или 40%, нанимались сами, т. е. без непосредственного участия помещиков в оформлении их найма. Это были крестьяне-обручники, постоянно проживающие в Москве (45 человек) и выходцы из подмосковных имений дворянской знати: гра-

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 5, ф. 318, 352, 460, 1078.

фа Г. Орлова, князей Трубецких (с. Гребнево с деревнями), графов Головкиных и других землевладельцев этой категории, которые через управителей свободно отпускали своих крестьян в Москву «для прокормления», обеспечивая необходимыми для этого покормежными письмами. Подавляющее большинство таких крестьян работало на мануфактурах непрерывно весьма ограниченное время — один-два года, но зато они неоднократно выступают в качестве наемных московских промышленников, и среди них некоторая часть имеет довольно большой общий стаж работы. Как правило, помещицы крестьяне никаких контрактов с мануфактуристами не заключали. Только незначительная часть их обязывалась контрактами на один — три года при найме на шелкоткацкие, сусальные, латунные, плащильно-волоочильные и другие мануфактуры (за исключением суконных и полотняных). Так, например, в 40-х годах на указных мануфактурах Москвы было занято в различное время 374 человека помещицких крестьян, в числе которых по контрактам работал только 21 человек; в 50-х годах из 1202 человек работали по контрактам 78, а в 60-х из 1570 только 73 человека. Кроме того, 134 крестьянина с. Гребнева с прилежащими к нему деревнями, до 60-х годов работавшие на полотняной мануфактуре И. Тамеса, в этот период переклонились на шелкоткацкое производство, с целью приобретения соответствующей квалификации, и при этом заключали контракты на один — три года. Отработав урочное время, они навсегда оставляли купеческие мануфактуры, а Гребнево с его деревнями с конца 60-х годов стало превращаться в крупный центр крестьянской шелкоткацкой промышленности. Нельзя отрицать наличия отходничества и среди крестьян, принадлежащих средним помещикам, но оно было развито в гораздо меньшей степени. Учитывая, что все эти крестьяне сами продавали свою рабочую силу и получали заработную плату, можно с полным основанием считать, что они ничем не отличались от тех наемных, которые выходили из среды остальных категорий крестьянства.

Однако больше половины помещицких крестьян, работавших на московских мануфактурах, появлялись здесь не по своему желанию, а были отданы их владельцами, с расчетом пополнения оскудевающих доходных статей. Как правило, такая отдача крестьян на мануфактуры сопровождалась заключением контрактов помещиков с мануфактуристами. Помещики сдавали мануфактуристам крестьян одиночками, группами — до 10 человек и более, и нередко целыми партиями — от 20 до 70 человек. Причем покормежные выдавались сразу на несколько человек или же на всю партию.

Среди них, как правило, очень много было крестьянских детей, которых сдавали «в работу» на довольно длительное время. Так, например, граф С. П. Ягужинский направил по контракту в 1739 г. из своей подмосковной вотчины с. Павловского с деревнями на полотняную мануфактуру Овощникова более 50 крестьянских детей, которые работали там с заменой 15 лет подряд, т. е. до 1754 г. Очень много крестьянских детей этой его вотчины работали в 60-х годах на полотняной фабрике И. Тамеса (113—120 человек) и на суконных мануфактурах. Из задельных денег этих рабочих мануфактуристы вычитали пятую долю и высылали ее вотчиннику каждое полугодие. Граф Ф. Апраксин в 1765 г. отдал на сусальную мануфактуру М. Шерина 10 человек крестьянских детей на 10 лет, получив в счет оброчных денег по 2 руб. 50 коп. за каждого человека. Многих крестьянских детей отдавали по контрактам на шелковую мануфактуру П. Колосова граф А. С. Уваров и полковник В. И. Шепилов. Сделки заключались на пять лет с условием, что все их «задельные» деньги Колосов будет отдавать сполна поставщикам¹⁸.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 6, д. 261; оп. 5, д. 937; оп. 7, д. 137; оп. 9, д. 722; оп. 10, д. 964.

В 1768 г. помещик И. Грязнов отдал двух своих крестьян на фарфоровую «фабрику» Гарднера на пять лет, с условием, что он будет получать на каждого человека по 30 руб. на год, без вычетов на их содержание. Сюда же отдала крестьянских детей вдова князя П. Голицына на 10 лет «в науку» на условиях: первые два года получать за них с Гарднера подушные по 70 коп., а в последующие 8 лет — и оброчные по 3 руб. за каждого. Положение учеников на мануфактуре определено таким образом: «А оных ребят как обувью, так и платьем верхним и нижним, и пищею содержать ему Гарднеру, на своем коште, а мне княгине Марье до того дела нет». Полковник П. Векентьев в 1749 г. направил на Большой Суконный двор 40 человек своих крестьян «для чесания и прядения шерстей» и договорился за их работу получать с компанейщиков по 2 руб. с пуда, чесальщикам же договором никакой заработной платы не предусмотрено. На таких же условиях направляли к суконщикам своих крепостных (для чесания и прядения шерсти) и многие другие помещики на время от четырех месяцев до одного года¹⁹.

Иногда помещики под видом найма по контрактам продавали мануфактуристам крестьян, всячески маскируя подобные сделки. Например, секретарь Военной коллегии М. Константинов в 1769 г. отдал содержателю шелковой мануфактуры С. Турчанинову 32 человека из вотчины в Муромском у., на 5 лет и «найма взял за все те годы, за оных своих крестьян денег 1300 руб. ныне наперед все сполна». Причем в контракте отмечено, что если С. Турчанинов пожелает держать у себя этих крестьян по прошествии указанного срока, то он обязуется дать ему такую запись и на такое же срочное число (т. е. на пять лет), не требуя вновь «наемных за тех крестьян денег», так как «вышеописанное число взято за 10 лет»²⁰.

Начиная с 1740-х годов многие помещики создавали в своих вотчинах крупные промышленные предприятия — главным образом суконные мануфактуры, но уже в 60-х годах и позже некоторые из таких предпринимателей закрывают свои предприятия и занимаются торговлей рабочей силой своих крепостных. Так, например, помещик Н. Огарев, имевший в 1760 г. суконную мануфактуру, в 1769 г. отдал московскому суконщику С. Калинину 125 человек своих дворовых людей и крестьян «яко к суконному делу уже обученных и знающих» и подписал контракт на пять лет с условием, что он, Калинин, будет им платить за каждую половинку сурового сукна по 2 руб. 50 коп., да сверх того по 2 руб. с каждой половинки ему, Огареву, — «вместо помещичьих доходов». Князь Б. Г. Шаховской, имевший в ряде своих сел и деревень суконную «фабрику», которую он «размножал», начиная с 50-х годов тоже практиковал посылку своих крепостных крестьян на другие суконные мануфактуры, как специалистов в суконном деле, причем направлял их не одиночками, а целыми семьями²¹.

Некоторые помещики погашали денежные долги мануфактуристам работой своих дворовых и крестьян²². Такие факты нередко проскальзывали в помещичьих контрактах на протяжении всего периода их бытования, особенно с 60-х годов.

Вот в таких вариантах в основном и осуществлялся «наем» крепостных крестьян мануфактуристами по контрактам помещиков, которые были массовым явлением в промышленной жизни Москвы, особенно начиная с 60-х годов. Наиболее падкими на такие сделки — хотя в основном и на короткие сроки — были суконщики, за ними следуют содержатели полотняных мануфактур и, наконец, все остальные предприниматели указной промышленности. Кстати, из содержателей шелковых

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 7, д. 738; оп. 11, д. 547, 814.

²⁰ Там же, д. 1058.

²¹ Там же, оп. 8, д. 228.

²² Там же, д. 1543; оп. 11, д. 580.

мануфактур к таким сделкам прибегали единицы, главным образом, П. Колосов, предприятие которого обслуживалось преимущественно трудом приписных и покупных людей.

Присланные на мануфактуры от помещиков с «поведительными письмами», эти «рабочие», как правило, никакой заработной платы не получали, их задельные деньги распределял мануфактурист по воле крепостников, и если некоторые из них получали по 1,5 копейки на день, то это были средства для нищенского существования. Поэтому зарплата как существеннейшая черта капиталистического производства (даже на самых низших этапах его развития) в данном случае полностью отсутствует, если не учитывать двух-трех случаев, когда помещики довольствовались отчислениями из заработка их крепостных $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{5}$ части²³. Средствами для «выжимания пота» и повышения производительности труда служили типичные феодально-крепостнические методы понуждения и основной из них — наказание²⁴.

Таким образом, 60% от общего числа помещичьих крестьян, работавших на московских мануфактурах в течение 60—70-х годов, были не наемными рабочими, а людьми, направленными в промышленность их владельцами в принудительном порядке, и работа на предприятиях московских мануфактуристов являлась для них барщиной. Подписывая контракт с промышленниками, помещики вручали им и всю полную своей вотчинной власти над крестьянами. Граф С. П. Ягужинский (как и все другие), заключая сделки с полотнянщиком Овощниковым, во всех контрактах писал: «Содержать ему оных отданных от меня детей, против своих записных работных людей в равенстве, и за всякие по мануфактуре их вины вольно ему наказывать, а мне во сное мануфактурное дело ничем не мешаца, разве оные учинятца чем противны и непослушны, то от оного мне отвращать и их за то наказывать»²⁵. И вот в таких условиях работали у московских мануфактуристов 3432 дворянских крепостных человека, в числе которых было 249 женщин и 637 крестьянских детей в возрасте от 9 до 16 лет. Вся эта масса людей никак не может быть отнесена к разряду наемных рабочих, что было понятно и самим помещикам, отождествлявшим их с приписными мастеровыми мануфактуристов.

Кроме крестьян, помещики имели еще большие людские резервы в лице дворовых, которых они могли продавать промышленникам без всякого ущерба производительным силам своих вотчин. Потребителей рабочей силы дворовых в Москве было больше, чем нужно. В рассматриваемые годы на предприятиях московских мануфактуристов в общей сложности был занят 2391 человек этой категории. Особенно интенсивно увеличивался их приток на указные мануфактуры во второй половине столетия (в 40-х годах — 133, в 50-х — 329, в 60-х — 793, а в 70-х — 1040 человек). Наряду со взрослыми мужчинами-одиночками помещики направляли на мануфактуры женщин (132 человека), детей (82 человека) и 122 человека семейных, вместе с их женами и малолетними детьми; не исключались и вдовы, имевшие при себе от одного до трех малых детей. Все они работали на мануфактурах по контрактам, заключенным их владельцами.

Обращает на себя внимание крайняя дешевизна таких рабочих. Свидетельством этого могут служить следующие факты. В 1762 г. майор А. Шепилов отдал из московского своего дома на шелковую мануфактуру Бабушкина 15 человек дворовых на 5 лет, с условием получать за них от 1 до 3 руб. в месяц (в зависимости от возраста и квалификации). Из этого количества денег он обязался давать им на пропитание и платье. В 1760 г. Шепилов направил на шелковую мануфак-

²³ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 7, д. 738; оп. 12, д. 812 и др.

²⁴ Там же, оп. 7, д. 137; оп. 10, д. 964; оп. 11, д. 1058, и др.

²⁵ Там же, оп. 6, д. 261. (Подчеркнуто мной.— М. А.).

туру П. Колосова 8 человек на таких же кондициях. Приблизительно на таких же условиях сдавал на мануфактуры дворовых и коллежский ассесор А. Засецкий (по 20—40 человек одновременно). Надворный советник М. Извеков в 1773 г. направил к П. Колосову 10 человек дворовых и крестьянских детей на 5 лет с условием, что тот будет платить по 2 руб. в месяц за каждого (80 коп.—на их содержание, а 1 руб. 20 коп.—помещику)²⁶.

Приведенные примеры убедительно раскрывают причину того, почему эта категория «наемных» находила большой спрос со стороны московских мануфактуристов, в первую очередь владельцев крупных предприятий, какими были И. Тамес, П. Колосов, Еремеев и Бабкин, Журавлев и др., принимавшие их на свои предприятия большими группами — от 20 до 60 человек и более.

Как и в отношении «найма» по контрактам частновладельческих крестьян, собственники «феодализованной» мануфактуры занимали первое место в сделках с помещиками и на рабочую силу дворовых людей, считая более выгодным иметь дело с феодалами, чем с рынком труда. Поскольку после известного указа 1762 г. уже нельзя было открыто покупать людей и крестьян к «фабрикам и заводам», они покупают их на время, путем частных сделок с помещиками, прикрываясь узаконенной формой найма — «по контрактам».

Процентное соотношение различных категорий наемных в текстильной и второстепенных отраслях производства г. Москвы было таково: «наемные» из помещичьих крестьян у текстильщиков составляли 42%, у остальных — 29%; из дворовых — соответственно 19 и 5%; из экономических — 24 и 38%; из дворцовых — 7,5 и 18%; из других социальных слоев — 2,5 и 1%. Как видно, у первой группы мануфактуристов решительно преобладали помещичьи крестьяне и дворовые. Только у И. Тамеса дворовых было 1020 человек, т. е. почти 50% всего их числа. Если учесть, что в шелкоткацкой промышленности помещичьи крестьяне составляли 24% общего количества занятых здесь наемных рабочих, то окажется, что «наемные» по контрактам помещиков в подавляющем большинстве находились у суконщиков и на полотняной мануфактуре Тамеса.

Итак, подлинно наемных рабочих, в числе появившихся на московских мануфактурах по паспортам и покормежным письмам, было всего 55%, 45% составляли крестьяне и дворовые, направленные по контрактам помещиков и занимавшие особенное положение на предприятиях указной промышленности. Мы не имеем никаких оснований считать их наемными, а тем более «вольнонаемными».

Все это говорит только о том, что собственники «феодализованной» мануфактуры были решительными сторонниками принудительного труда. Для дворянства было гораздо выгоднее заниматься торговлей рабочей силой своих дворовых людей и крестьян, нежели вручать им «письма» на отходничество. Поэтому в рассматриваемые годы и сложился своеобразный союз крупных мануфактуристов с крепостниками на почве взаимовыгодных сделок в области мобилизации в промышленность людских резервов феодальных хозяйств. Эти сделки были выгодны для помещиков в силу их оптового характера.

Однако какие бы преграды ни встречались на пути становления капиталистического производства в России XVIII столетия, все же нужно фиксировать тот бесспорный факт, что в 40—70-х годах произошли огромные изменения в сфере мануфактурной промышленности, выразившиеся в сложении всех необходимых условий для развития в дальнейшем подлинно капиталистической мануфактуры.

Система контрактов как основная форма найма рабочих в эти годы

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 9, д. 722, 259; оп. 10, д. 442, 866; оп. 11, д. 295, 577 и др.; оп. 12, д. 587, 812, 877; оп. 13, д. 75.

открыла широкие возможности для формирующегося капиталистического производства в использовании людских резервов деревни, независимо от того, кому они принадлежали. Даже вмешательство крепостников в область промышленности — в качестве поставщиков рабочей силы для нее — не возымело значительного влияния на формирование капиталистического производства и только продлило на некоторое время жизнь тех промышленных предприятий, которые продолжали базироваться на принудительном труде.

Мы уже упоминали о том, что разразившаяся в Москве в 1771 г. эпидемия очень сильно повлияла на положение тех крупнейших предприятий города, в которых господствовал принудительный труд. Однако главная причина ослабления позиций «феодализованной» мануфактуры таилась в том, что в годы существования контрактов не только были заложены прочные основы для развития безуказного производства, но и созданы широкие возможности для его перерастания из крестьянской светелки, мастерской в настоящую капиталистическую мануфактуру, базировавшуюся только на вольнонаемном труде и, как нам представляется, свободную от каких бы то ни было существенных влияний на нее со стороны господствовавшей в стране феодально-крепостнической системы.

Отстояв право на легальное существование их промышленных заведений, бывшие безуказники, начиная со второй половины 70-х годов, выдвигают из своей среды непрерывно возрастающее количество мануфактуристов, создавших крупнейшие промышленные предприятия, главным образом в шелкоткацкой промышленности, успешно отодвигая на задний план бывших монополистов середины XVIII в. В последней четверти этого века становятся излишними не только контракты как основная форма найма рабочей силы в прошлые десятилетия, но и существование самой Мануфактур-коллегии с ее конторой, так сильно тормозивших становление капиталистического производства. Весь этот процесс достаточно хорошо прослеживается на эволюции московского промышленного центра, который, кстати сказать, был самым передовым районом по сравнению с остальными.